

Е. С. Качмазова

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ПРИЧАСТИЙ И ДЕЕПРИЧАСТИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются и анализируются типы и деривационные модели осетинских причастий и деепричастий, развитие их форм исключительно в словообразовательном аспекте с позиций сегодняшнего дня. Отмечается широкая манёвренность осетинского причастия, объясняющаяся его морфологической двуприродностью или даже многоприродностью, транспозиционной гибкостью.

Ключевые слова: причастие, деепричастие, суффикс, субстантив, контекст, семантика, субъект, модификация.

Е. Kachmazova

Morphological Type of Participle and Adverbial Participle Word Bulding in the Modern Ossetian Language

This paper examines and analyzes types and derivative models of the Ossetian participle and adverbial participle, the development of their forms, taking in consideration current word formation. Wide flexibility of the Ossetian participle is pointed out which is explained by its morphological double nature (bifunctional) and even multiple nature (multifunctional) character and by its transpositional flexibility.

Keywords: participle, adverbial participle, suffix, substantive, context, semantics, subject, modification.

Морфологический тип словообразования причастий и деепричастий в современном осетинском языке включает в себя причастия на **-гæ**, **-гæйæ**. Исследование данной проблемы показывает, что суффикс **-гæ** в словах, образованных от основы глагола настоящего времени, может выступать и как причастная форма, и как деепричастная, поэтому часто в осетиноведении эта форма ещё называется причастно-деепричастной [8; 6; 1; 4; 5 и др.]. Суффикс **-гæ** в контексте может образовывать как причастия (при наличии определяемого слова — существительного или вообще субстантива), так и деепричастия (при выражении добавочного действия при основном). Большинство примеров с отмеченным суффиксом чётко разделяет причастные функции от деепричастных. Исходя из этого, лучше было бы говорить дифференцированно о причастных и деепричастных формах осетинского глагола, образованных при помощи суффиксов **-гæ** и **-гæйæ**.

Суффикс **-гæ** в контексте может образовывать как причастия (при наличии определяемого слова — существительного или вообще субстантива), так и деепричастия (при выражении добавочного действия при основном).

Рассматривая одни и те же слова в разных предложениях, можно уверенно сказать, что слова, образованные от основы настоящего времени глагола при помощи суффикса **-гæ**, также выполняют функции причастий, как и деепричастий, например: 1(а) *Худгæ* хуры тынтæ фæлмæн рæвдауынд зæхх — «Лучи смеющегося солнца мягко ласкают землю». 1(б) Мурат *худгæ* рахызт фæлварæнæй — «Мурат, смеясь, вышел с экзамена». 2(а) Студенттæн лæвæрд æрцыд *дзургæ* куыст — «Студентам было дано устное задание». 2(б) Студент фыста *дзургæ* — «Студент писал, разговаривая».

В первых предложениях (а) слова *худгæ* и *дзургæ* являются причастиями (имеют опре-

деляемые слова — существительные (субстантивы), а во вторых предложениях (б) эти же слова выполняют функцию деепричастий — обстоятельственных слов.

Приведённые примеры являются ярким показателем того, что суффикс **-гæ** активен в образовании тех или иных (в данном случае причастно-деепричастных) глагольных форм, что нельзя сказать о суффиксе **-гæйæ** в образовании именно причастных форм, хотя можно привести несколько возможных (причастных) образований с указанным суффиксом: *Бадгæйæ* куыст куыст нœу — «Сидячая работа — не работа». *Хъазгæйæ* ныхас алкъæуыл нœ фидауы — «Шутливый разговор не всем идет».

В такой ситуации и подчеркивается языковая (парадигматическая) несвободность образований суффиксов **-гæ** и **-гæйæ** и их речевая (дискурсная), т. е. контекстная, зависимость, так как их чаще относят к деепричастным суффиксам.

Деепричастия, как известно, совмещают в себе признаки глагола и наречия и тоже являются неспрягаемой формой глагола, это позволяет считать: что по своему значению деепричастные формы на **-гæ** и **-гæйæ** близки, и что в разных контекстах первую форму (**-гæ**) часто можно заменить другой (**-гæйæ**) формой, например: 1. Тыргъæй хъуыста Уасилы ныхæстæм æмæ, йæ хъæбулы йæхимæ *нълхъивгæ*, куыдта къуырма куыдæй — «Прислушивалась к словам Василя на крыльце и, прижав к себе своего ребёнка, плакала глухим плачем» (Гуыцм. А., 1998, с. 114). 2. *Æрмæст-иу уадтымыгъ миты хъæпæнтæ, уылаентæгæнгæ*, хаста æмæ сæ лæгæты дуармæ аматта — «Буря волнообразно поднимала и складывала около пещеры снежные лавины» (Гæд. С., 1979, с. 242).

Вышеприведённые примеры можно использовать в этих же контекстах с **-гæйæ**, и при этом они не изменят своего лексического значения, хотя суффиксы **-гæ**, **-гæйæ** (как деепричастные) обычно синонимичны, однако второй суффикс приобретает иногда

функцию семантического дифференциала — выражения более углублённого, продвинутого, продолжительного действия: 1. ...*Фæкæсынц æм хардзау, æвирхъау йæ хъыгтæ-гуырысхотæ æмæ дæм уарзгæйæ* дзуры... — «Кажутся напрасными, трагичными свои печали-сомнения и к тебе, любя, обращается» (Гæд. С. 1979, с. 244). 2. *Кадмæ бæлгæйæ*, æгадæй мæлæм... — «Стремясь к славе, погибаем в бесчестии» (Хет. Къ., 1984, с. 71).

Сложные отглагольные формы на **-гæ** могут быть несовершенного и совершенного вида. Для образования совершенного вида от сложных форм на **-гæ** в единственном числе глагольные приставки (превербы) прибавляются только к вспомогательному глаголу *кæнын* что, кстати, лишний раз заставляет убедиться в почти полной грамматикализации *кæнын*, т. е. утвердиться в точной правоте крупного американского специалиста в когнитивной лингвистике Л. Талми, утверждающего, что содержание концептов (открытый класс — лексика) может переходить в разряд закрытых классов — грамматических категорий, концептуальной структуры [7, с. 110–119], например, *цæугæ кæнын* — «иду», *цæугæ акодтон* — «ушёл», *цæугæ акандзынаен* — «пойду», «уйду»; *фысгæ кæнын* — «пишу», *фысгæ ныккодтон* — «написал», *фысгæ акандзынаен* — «попишу»; *хъазгæ кæнын* — «играю», «шучу», *хъазгæ фæкодтон* — «пошутил», «поиграл», *хъазгæ фæкандзынаенæ* — «пошучу», «поиграю»; *дзургæ кæнын* — «говорю», «разговариваю», *дзургæ бакодтон* — «позвал», «договорился», *дзургæ фæкандзынаен* — букв: «буду долго говорить», «поговорю», «позвоню» и мн. др.

Предложенные примеры показывают, что данная сложная форма на **-гæ** имеет все три времени, а вторая — является формой совершенного вида, причём в его образовании могут быть использованы и другие глагольные приставки, т. е. не только **-а**.

Деепричастный суффикс **-гæ** не всегда можно заменить суффиксом **-гæйæ** при

употреблении вышеназванных сложных форм глагола. Нельзя сказать: *мæлгæйæ кæнын* вместо *мæлгæ кæнын* — «умираю» (букв., «делаю умирать»). Другое дело, если выражения *мæлгæйæ кæнын*, *лæугæйæ кæнын*, *худгæйæ кæнын*, *цæугæйæ кæнын*, *кафгæйæ кæнын* означают действие, происходящее в определенном состоянии: *мæлгæйæ кæнын* — «делаю, умирая», *лæугæйæ кæнын* — «делаю, стоя», *худгæйæ кæнын* — «делаю, смеясь» и мн. др.

Форма на **-гæ** при наличии в предложении двух субъектов обозначает не действие субъекта главного действия, а действие второго субъекта, например: 1. *Æз Мæдинæйы байæфтон кусгæ* — «Я застала Мадину работающей». 2. *Мах дæ федтам фысгæ* — «Мы видели тебя пишущим» и т. д.

Если же отсутствует в предложении второй субъект, то форма на **-гæ** показывает добавочное действие при основном, т. е. действие субъекта главного действия: 1. *Мах рараст стæм хæдзармæ хъазгæ æмæ худгæ* — «Смеясь и шутя, мы направились домой». 2. *Лæппу кæугæ къæсæрыл æрбалæууыд* — «Мальчик, плача, появился на пороге» и т. д.

Итак, как это выяснено, и как это было видно из изложенного выше, осетинские отглагольные формы на **-гæ** и **-гæйæ** в языке предстают своеобразными «полуфабрикатами», которые уже только в контексте (в речи, в тексте) могут проявляться или как причастия, или как деепричастия.

К причастным образованиям надо отнести также формы с суффиксом на **-аг**, означающие постоянное свойство или склонность к какому-либо действию: *уайаг* — «скакун», «скачущий», «любитель скакать» от *уайын* — «скакать»; *нузаг* — «пьяница», «пьющий», «тот, кто любит пить» от *нузын* — «пить»; *хъазаг* — «балагур», «играющий», «любитель играть» от *хъазын* — «играть», «шутить»; *тарсаг* — «пугливый», «боящийся» от *тарсын* — «бояться» и т. д. [3].

Полагаем, что отглагольные формы с суффиксом на **-аг** относятся к разряду причастий настоящего времени с присущим им

свойством постоянства признака и склонностью лица к какому-либо действию: 1. *Цæваг галæн йæ сыкъа сæттаг у* (посл.) — «У бодающегося быка рог ломается» (или букв.: «рог является ломающимся»). 2. *Раттаджы къух райсаг у* (посл.) — «Рука дающего не оскудеет» (или букв.: «рука дающего есть (будет) берущая»).

Причастия на **-аг**, **-æг** довольно часто предстают как отпричастные прилагательные. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, и послужило причиной причисления всех образований на **-аг** и **-æг** к прилагательным, если только в них имеется хотя бы малейший намек на переносность значения:

1. *Хиуарзаг лæг балæууыд, чындзæхсæв цы хæдзары уыди, уый, дуармæ* — «Себялюбивый, человек очутился около дома, где должна была быть свадьба» (Æмб. Ц., 1991, с.36). 2. *Уый уыдис æфсармджын æмæ цæстдараг зонд, йæхи стыр нæ кодта, æнæсагъæсæй* — *худæджы дзæкъул* — «Он был застенчивый и внимательный, не возвышал себя, без переживаний — мешок смеха» (Æмб. Ц., 1991, с. 231).

В указанных предложениях наблюдается переход причастий в прилагательные.

Причастия, образуемые при помощи суффикса **-æг**, в осетинском выражают чётко признак по действию в настоящем времени, то же самое касается и причастий, образуемых при помощи суффикса **-гæ**: *дзураг лæг* — «говорящий человек», *кусаг лæг* — «работающий человек», *кусгæ бон* — «день, предназначенный для работы», *фауаг ныхас* — «осуждающая речь», *хацаг адам* — «воюющий народ», *кауаг айнаг* — «плачущая скала», *кауаг сывæллон* — «плачущий ребёнок» и т. д.

Также от глаголов *худын*, *хуыфын*, *æхснырсын* и некоторых других образуются слова-субстантивы при помощи суффикса **-æг**, показывающие состояние действия: *худæг* — «смех», *хуыфаг* — «кашель», *æхснырсæг* — «насморк», «чихание» и т. д.

Нельзя не заметить и то, что суффикс **-æг** в вышеуказанных примерах, и не только в них, является показателем полноценного

действителя. Так, например: *худæг* — «тот, кто смеется», *хуыфæг* — «тот, кто кашляет», *æхснырсаг* — «тот, кто чихает» и т. д.: 1. Уыцы *худæг* уæ чи у? — «Кто из вас такой смеющийся?» 2. Уыцы *хуыфæгæн* ма йæ былтæ бакъуыр — «Этому кашляющему дай-ка по губам». 3. *Æхснырсаг* нырмæ кæм бадти? — «Где до сих пор сидел чихающий?» и др.

Характеризуемые примеры чаще являются субстантивами, а при прибавлении к ним (ко вторым словам) суффикс причастия **-æг** в осетинском языке будет выглядеть следующим образом: *хъæр кæнын* — *хъæргæнæг* — «кричащий», «глашатай»; *хæццæ кæнын* — *хæццæгæнæг* — «смешивающий», «смешиватель»; *ахуыр кæнын* — *ахуыргæнæг* — «обучающий», «учитель»; *раст кæнын* — *растгæнæг* — «исправляющий», «исправитель»; *сраст уæвын* — *срастуæвæг* — «освободившийся», «исправившийся» но никак не «освободитель»; *хъал кæнын* — *хъалгæнæг* — «тот, кто будит».

Подтвердим, что причастия в осетинском языке, образуемые при помощи суффикса **-æг** и не только (и простые и сложные), могут быть в форме всех падежей, если брать их без сочетания с существительным, хотя при этом они утрачивают свою сущность как причастия.

В осетинском языке нередко встречаются причастия, образованные от основы настоящего времени при помощи прибавления к ним суффикса **-æн**, например: *кусæн* бон — «рабочий», «предназначенный для работы день»; *ахорæн* дзаума — «вещь, предназначенная для краски»; *фыссаен* фæйнаг — «доска, предназначенная для письма» и т. д.

Как видно из приведённых примеров, суффикс **-æн** образует причастия одинаково активно и от простых глаголов, и от сложных, причём, причастия с суффиксом **-æн**, образованные от сложных глаголов, более конкретизируют предназначенность действия.

При прибавлении к некоторым причастиям на **-æн** дополнительного суффикса **-дон**

слова-причастия приобретают значение субстантива с указанием места, предназначенного для того или иного действия: *хæрæндон* — «место для кушанья», «столовая»; *кувæндон* — «место для молитвы»; *касæндон* — «место для чтения», «библиотека»; *гуырæндон* — «место для родов», «родильный дом».

В заключение отметим, что образования на **-æн** (и их всевозможные модификации особенно) чаще всего выглядят субстантивами. Приведём примеры: 1. Фæлурсæй, уазалæй хуыссиди паддзах йе стыр зынаргъ *хуыссаентыл...* — «Бледным, холодным лежал государь на своей дорогой постели» (Æмб. Ц., 1991, с. 218). 2. Цæй диссаджы рæсугъд, цæй диссаджы райдзаст ваййынц нæ хæххон быдыртæ æмæ фæзтæ *хосгæрдæнты!..* — «Как удивительно красивы, как удивительно светлы бывают наши горные равнины и поля в жатву» (Коц. А., 1991, с. 67) и т. д.

От основы настоящего времени некоторых глаголов при помощи суффикса **-он** образуются причастия, выражающие признак постоянного (продолжительного) действия, аналогично суффиксу **-аг**.

Например: *кæрдзындæттон* сылгоймаг — «хлебосольная», букв.: «хлебодающая женщина»; *цардбæллон* адæймаг — «жизнелюбивый», «мечтающий о жизни человек»; *фондзæхстон* топп — «пятиствольное», букв.: «стреляющее пятью пулями ружьё»; *уарзон* зæрдæ — «любящее сердце»; *фиддон* хæс — «долг, который следует заплатить»; *фæразон* адæймаг — «терпеливый», «терпящий человек» и др.

Малопродуктивный суффикс **-ин** образует причастия со значением признака по действию или другому процессу и аналогичные причастиям, образованным при помощи суффикса **-д** прошедшего времени, например: *растдзæвин* адæймаг — «тот, кто метко стреляет»; *фæсдзæуин* лæг — букв.: «идущий следом», «слуга»; *æмдзæрин* хæдзар — «место для совместного проживания»; *зындзæрин* лæг — «неуживчивый»,

«человек, с которым трудно жить», *æмдзард* — «вместе живущий», *зындзард* — букв.: «уживающийся тяжело» и др.

Имея конкретное представление о причастиях будущего времени, мы можем подчеркнуть, что они образуются от всех глаголов (простых и сложных, переходных и непереходных) от основы настоящего времени путём прибавления суффикса **-инаг**.

Указанные причастия в осетинском языке выполняют те же синтаксические функции, что и причастия настоящего и будущего времён, образованные при помощи соответствующих суффиксов: 1. Уæрцц бирагъæн афтæ загъта: «Уæ, бирагъ, маæнæ дын сæгъ æргæвдинаг, æмæ йæ аргæвд, æмæ дзы маæ маст дæр райс...! — «Перепел волку говорит: «О, волк, вот тебе коза для закалывания, зарежь её и отомсти за меня тоже» (Дж. Ш., 1989, с. 96).

В современном осетинском языке активно употребляются причастные формы прошедшего времени на **-т, -д, -ст, -ад**, реже на **-ыд, -ад**:

а) в значении имён существительных образуются от всех глаголов (переходных и непереходных) и обозначают названия производимых действий, например: *хæрд* — «еда»; *цыд* — «ход»; *цард* — «жизнь», «жизть»; *рæвдыд* — «ласка», «обласканный»; *тахт* — «полет», «летание»; *тыхт* — «сверток»; *фыст* — «письмо», «писание»; *хъазт* — «игра», «играние»; *хъызт* — «вьюга»; *уарзт* — «любовь»; *кафт* — «пляска»; *æвзæрст* — «выбор», «выбранный», «отобранный»; *æхсад* — «мойка»; *рæхсад* — «стеганный», «шторка», «латание» и т. д.;

б) в значении причастий от переходных глаголов и обозначают признак предмета, лица по произведённому над ним действию (соответствуют причастиям прошедшего времени страдательного залога русского языка), например: *фыст гæххæтт* — «написанная бумага»; *рæвдыд сывæллон* — «обласканный ребёнок»; *æвзæрст нартхор* — «отборная кукуруза»; *рывд хуым* —

«прополотая пашня»; *карст уыгæрдæн* — «скошенный луг»; *марзт уат* — «подметённая комната» и т. д.

«Не от всех непереходных глаголов именные формы, образуемые при помощи суффиксов **-д, -т, -ст, -ад**, могут употребляться в значении причастий, они охотно субстантивируются, например: *цард* — «жизнь»; *кафт* — «танец»; *зард* — «пение» и т. д.» [3].

Причастия, образованные от переходных глаголов при помощи вышеуказанных суффиксов, обозначают действие, произведённое над определённым предметом, например: *каст чиныг* — «прочитанная книга»; *тыд фæткъуы* — «сорванное яблоко»; *хаст хæдзар* — «унесённый», «разворованный дом»; *саст тæбæгъ* — «поломанная тарелка»; *æвæрд чиныг* — «положенная книга»; *калд бæлас* — «снесённое дерево»; *æфснайд уат* — «убранная комната»; *æхсад ньолтæ* — «вымытые полы»; *барст маæнæу* — «взвешенная пшеница» и мн. др.

Нельзя не заметить и то, что причастия, образованные от основы прошедшего времени переходных и непереходных глаголов на **-д, -т, -ст, -ад**, можно чётко разграничивать по тем или иным грамматическим категориям. Такая процедура зависит исключительно от контекстной ситуации и от того, что причастия данной группы особенно часто субстантивируются: 1. Гъей! Сымахæн у маæ цагъд, Уæ маæ хæхтæ! — «Для вас назначена моя игра, О, мои горы!» (Ал. маэ., 1987, с. 216). 2. Дыгъд куы фæци, уæд хæдзармæ рацыд — «Когда закончила дойку, тогда пошла домой» (Гуыцм. Ал., 1988, с. 27).

По своим синтаксическим функциям эти причастия не отличаются от других. Приобретая числовое или падежное изменение, автоматически переходят в разряд субстантивированных слов.

Ряд страдательных причастий имеет в своём образовании двоякие, а то и больше, формы. Например: *ивылын* — «разливаясь» — *ивылд* — *ивылыд* — «разлившийся»;

ирвæзын — «спасаться» — *ирвæзт* — *ирвæзыд* — «спасшийся»; *фæзмын* — «дразнить» — *фæзмд* — *фæзмыд* — букв.: «тот, кто дразнит»; *лæдарын* — «выжимать» — *лæдарст* — *лæдард* — букв.: «то, что выжато» и многие другие слова, которые употребляются в указанных вариантах, но литературным считается первый вариант, остальные же являются разговорной формой.

Причастия прошедшего времени на **-ад** и в особенности на **-ыд**, сравнительно редки. Что касается формы на **-ыд**, то её можно отнести как к разговорной, так и к литературной.

Наряду с вышеприведёнными примерами в осетинском наблюдается ряд причастий прошедшего времени, имеющих по две формы, причём обе являются литературными. Например: *комын* — «соглашаться» — *куымд* — *комд*; *кæнын* — «делать» — *конд* — *кæнд*; *ссын* — «точить», «молоть» — *ссад* — *ссыд*, хотя все-таки первые варианты считаются более предпочтительными.

Некоторые причастия в прошедшем времени совпадают с формой 3-го лица глагола с нарастающим значением действия: *фæллад* лæг — «уставший человек» и уый *фæллад* — «он уставал» (постепенно); *калд* нартхор — «разбросанная кукуруза» и дон *калд* — «текла», «стекала» вода; *æфсаест* сывæллон — «наевшийся», «сытый», «наедался» ребёнок (постепенно) и т. д.

В случаях затруднения определения принадлежности таких слов к причастиям или глаголам решить проблему может только контекст.

Осетинские причастия наряду с *моноаффиксальным* способом образования широко используют и *полиаффиксальный* способ, что, несомненно, расширяет семантический их диапазон и, самое главное, обогащает их функциональный спектр. Данный способ в осетинском языкознании не затрагивался, что и понятно, ибо всестороннее описание — дело монографических исследований.

Сложный суффикс **-æггаг** в образовании причастий в осетинском языке играет немаловажную роль. Причастия, образованные при помощи суффикса (**æг(г)+аг**) **-æггаг**, обозначают признак предмета по производимому или произведённому (с провербом) действию: *æрцæуæггаг* бинонтæ — «приехавшая семья»; *æрбаскъæфæггаг* ныхæстæ — «переданные слова»; *курæггаг* æхца — «попрошенные деньги».

Уместно подчеркнуть, что причастия, образованные при помощи сложного суффикса **-æггаг**, обозначают признак предмета не только по «произведённому» действию, так как слова-причастия данной категории носят в себе не только постоянное качество, но и признак постоянства; другое дело, если мы используем с этими же причастиями провербы, которые придадут им вид совершенного (произведённого) действия. Например: *æрбахæссаггаг* и т. д. Ведь мы знаем, что от глаголов совершенного вида образуются причастия совершенного вида и от глаголов несовершенного вида — несовершенного вида причастия: *æрхæссаггаг* сывæллон — «приёмный ребенок» (букв.: «принесённый»).

Сложный суффикс **-æггаг** действительно складывается из двух ранее рассмотренных нами простых суффиксов **-æг** и **-аг**. Суть в том, что если в моноаффиксальных причастиях в качестве основы выступают глагольные корни-основы, то уже в полиаффиксальных образованиях в качестве основы обязательно выступают дериватемы причастия, предстающие как производящие основы (ср.: **(кур + æг) + аг = курæггаг**).

Непродуктивные суффиксы **-(æ)ццаг** и **-иццаг** образуют причастия исключительно редко, да и в образовании других частей речи они мало эффективны: 1. Йæ фæзмæлд — рогдæр, йæ цæстæнгас — *цæрæццагдæр*, раст цыма йæ ас дæр бæрзонддæр фæцис — «Его движения — легче, его взгляд — живее (жизненнее), будто бы и рост его выше стал» (Бар. Г., 1991, с. 259). 2. Ницæмæй уыди *бæллиццаг*, ницæмæй арфæйаг зæронд

цард — «Ничем не была желательна, ничем — счастлива старая жизнь» (Бедж. Ч., Хъуыл. С., 1995, с. 232).

Данные образования построены тоже в два этапа: 1. Бæллын — «желать», «хотеть» + **иц** = *бæллиц* — «желание», «мечта» — *Бæллиц* + **аг** = *бæллицаг* — «желаемое»; 2. Цæрын — «жить» + **æц** = *цæраæц* — *Цæраæц* + **аг** = *цæраæцаг* — «тот, кому суждено жить» и т. д.

Наряду с причастиями настоящего времени с суффиксом **-æг** выделяются и некоторые причастия с **-æг**, которые при прибавлении ещё и суффикса **-ой** сохраняют свой причастный статус полностью: *уарзын* — «любить» — *уарзаг* — «любящий» — *уарзагой* — «любящий» (букв.: «любитель любить»); *хъазын* — «играть» — *хъазаг* — «играющий» — *хъазагой* «играющий» (букв.: «любитель играть, шутить»).

Отметим и то, что если причастия настоящего времени с суффиксом **-æг** показывают действителя, т. е. того, кто совершает действие, например: *кафаг лæппу* — «танцующий мальчик» (тот, кто танцует); *дзураг лæг* — «говорящий человек» (тот, кто любит говорить); *цауаг адаймаг* — «идущий человек» (тот, кто идёт) и т. д., то после прибавления к ним превербов эти причастия начинают носить характер совершенного действия, прошедшего времени: *акафаг лæппу* — «станцевавший мальчик»; *ныххудæг сывæллон* — «засмеявшийся ребенок» и т. д.

Следует отметить, что малопродуктивный суффикс **-ой** образует причастия, сочетаясь с суффиксом **-æг**, причастия настоящего времени: *уарзаг* — «любящий» и *уарзагой* — букв.: «любитель любить»; *сайæг* — «обманывающий» и *сайæгой* — «обманывающий», «любитель обманывать»; *худаг* — «смешной», «смешливый» и *худагой* — «смешливый», «любитель смеяться»; *смудаг* — «нюхающий» и *смудагой* — «любитель нюхать».

Если в причастиях, образованных от основы настоящего времени глагола при по-

мощи суффикса **-æг** сохраняется действие в настоящем времени, то с прибавлением к таким словам — причастиям суффикса **-ой** слова приобретают признак постоянного качества действия. Остаются ли такие слова причастиями (если они при определяемом слове) или нет, т. е. субстантивируются, решает контекст.

Названные модели словообразования причастий весьма непродуктивны в осетинском языке. Так, на **-ынцаг**: *бырынцаг фæндаг* — «скользящая» дорога; на **-ындзаг**: *кауындзаг хъæлæс* — «плачущий», «плаксивый» голос; *омындзаг хуыз* — «рвота» (состояние, вид).

Причастия указанных моделей обозначают либо признак по действию, либо лексикализованность этого признака.

Нам представляется интересным вопрос структуры указанных суффиксов. Во-первых, с точки зрения современного состояния языка, здесь трудно говорить о выделении отмеченных суффиксов; так как у них есть общий элемент **-ын**, который совпадает с инфинитивом на **-ын**, то похоже, что выше речь может идти только о суффиксах **-цаг / -цагæг, -дзаг**. Если это действительно так, то следует отметить *уникальность* модели, поскольку это — единственный случай, когда причастный суффикс присоединяется не к глагольному корню (основе настоящего времени), а к инфинитиву на **-ын**.

Суффикс **-дзаг** образует новые причастия от причастий, произошедших от основы прошедшего времени глагола при помощи суффикса **-д**: *калд + дзаг (кæлæддзаг* — «ветхий, разрушенный»); *хæлд + дзаг (хæлæддзаг* — аналогично «кæлæддзаг»); *хауд + дзаг (хæуддзаг* — «то, что осталось, что не годится»); *мард + дзаг (мæрддзаг* — «вещи, предназначенные для покойника»); *уад + дзаг (уаддзаг* — «то, что отрезали, оставили»).

Это *полисуффиксальное* явление в современном осетинском языке малопродуктивно.

Причастия, образованные вышеуказанным способом, показывающие признак по

произведённому или производимому действию с некоторой предназначенностью, в приведённых предложениях выполняют функцию определения: 1. Афтамæй аивгъуыйы фæсивæдæн сæ тæккæ хъаруджын, сæ тæккæ *цæррдзаг* афон — «Так уходит у молодёжи их самое сильное, полное жизни время». 2. Асинетæн йæ *мæррдзаг* дарæс цæттæйæ лæууыдысты аив æфснайд сын-

тæгыл — «Вещи для покойной Асинет лежали на аккуратно убранной кровати».

Примерно так отмечается широкая манёвренность осетинского причастия, объясняющаяся его морфологической двуприродностью или даже многоприродностью, на которую обратил внимание еще основоположник осетинского языкознания А. Шёгрэн.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Ир, 1965. 168 с.
2. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1. 655 с.; Л., 1973. Т. 2. 448 с.; Л., 1979. Т. 3. 358 с.; Л., 1989. Т. 4. 325 с.
3. *Багаев Н. К.* Современный осетинский язык. Ч. 1. Орджоникидзе, 1965. 468 с.
4. *Гагкаев К. Е.* Очерк грамматики осетинского языка. Дзæуджыхъæу, 1952. 165 с.
5. *Исаев М. И.* Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974. 92 с.
6. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Ч. 2. М., 1881. 717 с.
7. *Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Серия № 9. Филология, 1999. № 1. С. 91–115; 1999. № 4. С. 76–104.
8. *Шегрен А. Ф.* Осетинская грамматика. СПб., 1844. 956 с.

REFERENCES

1. *Abaev V. I.* Grammaticeskij ocherk osetinskogo jazyka. Ordzhonikidze: Ir, 1965. 168 s.
2. *Abaev V. I.* Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. T. 1. M.; L., 1958. 655 s.; T. 2. L., 1973. 448 s.; T. 3. L., 1979. 358 s.; T. 4. L., 1989. 325 s.
3. *Bagaev N. K.* Sovremennij osetinskij jazyk. Ch. 1. Ordzhonikidze, 1965. 468 s.
4. *Gagkaev K. E.* Ocherk grammatiki osetinskogo jazyka, 1952. 165 s.
5. *Isaev M. I.* Oчерki po istorii izuchenija osetinskogo jazyka. Ordzhonikidze, 1974. 92 s.
6. *Miller V. F.* Osetinskie etjudy. Ch. 2. M., 1881. 717 s.
7. *Talmi L.* Otnoshenie grammatiki k poznaniju // Vestnik MGU. Serija № 9. Filologija. 1999. № 1. S. 91–115; 1999. № 4. S. 76–104.
8. *Shegren A. F.* Osetinskaja grammatika. SPb., 1844. 956 s.

Т. В. Бойченко

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ БЛОГ-КОММУНИКАЦИИ С ПОЗИЦИИ ПРЕЗЕНТАЦИОННОЙ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

Представлены результаты исследования, проведенного на основе синергетического подхода к изучению гендерных параметров блог-коммуникации с позиции презентационной теории дискурса и гендерной лингвистики. Представлена попытка соотношения типов презентем в их отношении к презентационным акциям (самопрезентации, дескрипции и демонстрации) со структурными и вербально-невербальными элементами блога и описаны результаты исследования особенностей реализации презентем в маскулинном и феминном дискурсах.

Ключевые слова: блог-коммуникация, блог-дискурс, маскулинный/феминный дискурс, типы презентем.